

«ЧУЖАЯ РЕЧЬ МНЕ БУДЕТ ОБОЛОЧКОЙ...»

РЕЦ. НА КН.: КОРНИ, ПОБЕГИ ПЛОДЫ... МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЕ ДНИ
В ВАРШАВЕ: В 2-х Ч. / СОСТ. П. М. НЕРЛЕР, А. ПОМОРСКИЙ, И. З. СУРАТ.
М.: РГГУ, 2014. 620 с. 300 ЭКЗ.

С. Г. Шиндин
(Саратов)

Юбилейный, XX том «Записок Мандельштамовского общества» фактом своего выхода в свет обязан состоявшимся 18–22 сентября 2011 года Мандельштамовским дням в Варшаве, приуроченным к 120-летию со дня рождения поэта. В организации этого мероприятия, кроме собственно научного форума включавшего в свою программу поэтические вечера, кинопросмотры и неформальные встречи, вместе с Мандельштамовским обществом и Польским ПЕН-клубом участвовали Институт им. Адама Мицкевича и Центр восточноевропейских исследований при Варшавском университете; главными партнерами стали Институт книги и «Газета выборча» – крупнейшая польская ежедневная газета¹. Именно в рамках этих дней наряду с разнообразными культурными событиями, связанными с творчеством Осипа Мандельштама, прошли Шестые Мандельштамовские чтения, материалы которых вместе с другими научными статьями и историко-архивными материалами составили основу рецензируемого издания².

¹ См.: Поморский 2011b: с. р.; полная программа дней размещена на официальном сайте Мандельштамовского общества (информационное письмо № 2011/2): http://www.rvb.ru/mandelstam/m_o/info/info_2011-2_6-9.htm.

² К чтениям был выпущен отдельный буклет с программой и публикациями нескольких статей на «польскую тему» (позднее включенных в рецензируемое издание); см.: Чтения 2011). О самих чтениях, органично вписавшихся в Мандельштамовские дни, см.: Пешкова 2011: с. р.; Громова 2012: 233–234; Калмыкова 2012: 420–424; своими впечатлениями от юбилейных торжеств в публикации «Пусть будут разные страницы» на воронежском городском портале «Збон.ru» 18.11.2011 поделилась одна из участниц

Мандельштам, в отличие от другого автора XX века, вряд ли мог сказать: «Варшава, я тебя люблю легко, печально и навеки...»; польская тема не находит у него самостоятельно оформленного, индивидуального выражения, это – лишь крошечная смысловая единица его художественного мира, только одна из многочисленных «клавиш» его «упоминательной клавиатуры». Но и такое едва ощутимое «прикосновение» поэта к Польше оставило в культуре этой страны более чем заметный след, многообразие и степень актуальности которого с течением времени только возрастают. А потому вполне закономерно, что сборник «Корни, побеги плоды...» открывается разделом «Мандельштам и Польша», начинающимся с публикации посвященных Мандельштаму (далее – О. М.) – именно посвященных, то есть прямо обращенных к нему – стихотворений польских поэтов – А. Мендзыжецкого, В. Ворошильского, Я. Березина, А. Загаевского и Я. Качмарского, к которым присоединились двое авторов сборника – А. Поморский и П. Мицнер³. В этом длящемся уже несколько десятилетий сближении в полной мере проявляется то хорошо известное обстоятельство, что «культурологическая» природа художественного сознания О. М. носит явно обратимый характер. При своей едва ли не безграничной центростремительности, когда его биография и поэтический мир органично интериоризируют структурообразующие и смыслопорождающие координаты европейской культурной традиции, само мандельштамовское творчество становится катализатором для

чтений – Г. М. Умывакина; см.: <http://36on.ru/news/interview/27511-pust-budut-raznye-stranitsy>.

³ Ранее подборка полностью была напечатана в: Чтения 2011; три включенные в сборник поэтические текста под заголовком «Стихи польских поэтов, посвященные Осипу Мандельштаму» опубликованы в материалах: Мандельштамовские дни в Варшаве 18–23 сентября 2011 г. (Новая Польша. 2011. № 12). К сожалению, ни в одну из публикаций не вошло стихотворение 1981 года Я. М. Рымкевича «Где она эта улица Улицы этой нету...» – поэта, прозаика, известного переводчика поэзии О. М., в частности, автора сборника переводов «44 стихотворения и несколько фрагментов», получившего высокую оценку критики; см., например: Соболев 2010: с. р. При этом текст полностью воспроизведен в статье А. Поморского в рецензируемом издании (ч. 1, с. 74); ранее он публиковался в двуязычной книге переводов Н. Е. Горбаневской; см.: Горбаневская 2006.

возникновения новых смыслов в ее локальных составляющих. Вряд ли будет преувеличением сказать, что именно польская литература становится наиболее восприимчивой к наследию О. М., «репликами» в диалоге с которым выступают и самый широкий спектр переводов его стихов и прозы, и собственное творчество иноязычных авторов.

Соответственно, вполне логичен тот факт, что тематически первый раздел книги – «Мандельштам и Польша» – носит своеобразный зеркальный характер: с одной стороны, он оказывается направленным в сторону культуры и науки двух стран одновременно, с другой, в силу объективных причин, расширяет свои хронологические границы от конца XIX века до начала века XXI. При этом движение, идущее извне, практически неизвестно не только широкому кругу читателей в России, но и, нередко, российской научной среде, поэтому столь информативной и интересной должна стать основная часть «зеркального» раздела, которая полностью обращена к истории освоения и ассимиляции мандельштамовского творчества польской культурой и наукой.

Именно этой теме посвящена публикация П. Мицнера «Начало восприятия Мандельштама в Польше (1925–1947)»⁴. Первым, кто, по мнению автора, способствовал появлению фигуры О. М. на культурном горизонте Польши в период между двумя мировыми войнами, стал литературный критик Кароль Заводзиньский,

⁴ Ряд положений, содержащихся в этой статье, ранее был представлен в Польше русскоязычному читателю; см.: Мицнер 2011: s. p.; на двух языках она опубликована в: Чтения 2011. И здесь совершенно отчетливо проявляется та особенность рецензируемого издания, к которой придется возвращаться неоднократно, – вторичность многих публикуемых в нем материалов, до этого уже выходявших в свет, причем иногда неоднократно. В большинстве таких случаев речь не идет о «переиздании» исследований в иноязычной среде или в новом этнокультурном пространстве. По-видимому, при составлении сборника в полной мере сказалась устойчивая в европейской славистике тенденция, которая с недавних пор прочно укоренилась и в российской науке и которую можно обозначить корректным термином «авторепубликация». (К сожалению, далеко не всегда это оказывается «автометареубликация», самим фактом повторного появления уже известных текстов предполагающая наличие в них новых материалов.) Совсем по-другому, конечно, такого рода «повторение пройденного» выглядело бы, если бы речь шла о размещении опубликованных работ в «пространстве» интернета, но вот как раз такая сторона дела многих авторов явно не заботит.

в 1910-е годы – студент Санкт-Петербургского университета, позднее утверждавший: «Я вышел из кругов русских формалистов и постсимволистской поэзии, акмеизма, моими университетскими товарищами были Жирмунский (на протяжении всего времени учебы), а в течение более коротких периодов – Гумилев, Мандельштам и Шкловский» (ч. 1, с. 52). Но, как сообщает автор статьи, в сохранившемся архиве польского литератора никаких следов упоминаемого им общения с будущими акмеистами нет; не встречается его имя и в мемуарных и иных свидетельствах современников этого периода⁵. Далее в публикации кратко воспроизведена история активного «проникновения» стихов О. М. в переводную литературу предвоенного периода, причем отмечается особая роль в этом Дмитрия Философова, который с 1920 года жил в эмиграции в Польше и был близко связан с варшавской интеллектуальной элитой⁶. Всего же за два с небольшим десяти-

⁵ Как любезно сообщила автору этих строк одна из участниц чтений и рецензируемого издания М. Г. Сальман, занимающаяся изучением мандельштамовской биографии, по данным личного студенческого дела, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, Карл-Виктор Казимирович Заводзинский, действительно, в 1908 году поступил на романо-германское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета и окончил его в 1913 году (слушателем этого отделения с сентября 1911 года по май 1917 был и О. М.). Там он, в частности, посещал просеминарий по староиспанскому языку Д. К. Петрова и, возможно, входил в состав участников научного общества при романо-германском отделении, образованного в декабре 1909 года, – кружка романо-германистов (другое неофициальное название – романо-германский кружок), руководителем которого был именно профессор Петров и который посещал О. М.; см.: Сальман 2010: 471–472, 459–461, 481–483, 488–489. Упоминаемый мемуаристом «русский формалист» Шкловский в равной степени мог бы оказаться одним из братьев – как младшим, литературоведом Виктором, так и старшим – филологом и религиозным деятелем Владимиром; более велика вероятность, что речь идет о последнем. Таким образом, общение Заводзинского с названным им кругом поэтов и будущих представителей «формальной школы» остается неподтвержденным.

⁶ Об этом факте, как и о влиянии, оказанном Философовым на польскую культурную среду, ориентированную, в частности, на русскую литературную традицию начала XX века, упоминается и в следующей статье рецензируемого издания. Личные взаимоотношения О. М. и Философова, кажется, так и не стали предметом отдельного описания. Краткие во времени и незначительные по объему, они практически полностью связаны с мандельштамовским творчеством. Их знакомство, очевидно, произошло во время одного из первых визитов О. М. к Зинаиде Гиппиус и Дмитрию

летия, по утверждению исследователя, было переведено и опубликовано 14 мандельштамовских стихотворений: 4 – из сборника «Камень», 8 – из сборника «Tristia» и два – из последующих изданий.

Отчасти дублирует предыдущий материал работа А. Поморского «Мандельштам в Польше: От межвоенного периода до октября 1956-го»⁷, начинающаяся с воспроизведения ситуации, связанной с

Мережковскому, во время которых Философов как полноправный участник «троебратства» не мог не присутствовать; вероятно, это произошло в начале 1908 года в Париже; см.: Драницин В. «А я уверяюсь их заботе...»: Осип Мандельштам и его «литературные восприимчики» на рубеже 1910-х гг. (см.: «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский альманах. Вып. 6. М.: ОГИ; в печати). После этого, с конца 1910 года, они могли встречаться на заседаниях Религиозно-философского общества, куда О. М. был введен Сергеем Каблуковым; которого, в частности, 6 декабря 1909 года избрали на должность председателя второй в обществе секции – по изучению истории и философии религии. При этом в 1909–1912 годах Философов являлся председателем самого общества, а когда он решил оставить эту должность, Каблуков был среди тех, кто активно этому противился. Так, 28 сентября 1911 года он записал в дневнике о своем разговоре с Вячеславом Ивановым: «Мы говорили еще и о будущем Рел<игиозно>-ф<илософского> общ<ества>. Оба мы согласны, что нельзя допустить ни его закрытия, ни оставления Философовым должности председателя (о чем упорно твердит сам Ф<илософ>в, ссылаясь на необходимость частых отлучек из П<етер>-б<ург>а)» (Коростелев, Ермишин 2009: 8, 11, 18–22). Зная, какое влияние в это время оказывал Каблуков на самого О. М. и на становление и развитие его художественного мировоззрения, невозможно представить, чтобы тот не был хотя бы отчасти посвящен в связанные с фигурой Философова перипетии происходящего в Религиозно-философском обществе. В свою очередь, тот мог быть знаком с поэзией О. М. именно благодаря Каблукову, который, в частности, 6 февраля 1915 года отмечал в дневниковой записи: «Вчера днем был у Мережковских. <...> Главная же цель моего посещения – пристроить в “Голосе жизни”, редактируемом Философовым, некоторые стихотворения И. Мандельштама» (Дневник Каблукова 1990: 249). Нельзя не отметить и тот факт, что в середине 1910-х годов Философов принимал самое активное участие в литературно-критической полемике вокруг возникновения и становления акмеизма (см. именной указател: Акмеизм в критике 2014: 533), – и, в частности, выступил автором одной из получивших широкий резонанс статей о неожиданном «эстетическом» сближении поэтов-акмеистов с критиками-марксистами; см.: Философов 1913: 3. Основанием для этого послужила состоявшаяся во Всероссийском литературном обществе 15 февраля 1913 года дискуссия после доклада Городецкого «Символизм и акмеизм», во время которого О. М., вероятно, выступал с чтением своих стихов; см.: Летопись 2014: 55–56.

⁷ Публикация представляет собой незначительно переработанный материал, вышедший ранее как послесловие к собранию мандельштамовских стихотворений и статей «И не ограблен я, и не надломлен». Автор (уже известный читателю как переводчик на польский язык «Братьев Карамазовых» и «Бесов» Достоевского, «Мы» Замятина, произведений Бунина, стихов Ахматовой, Хлебникова, Есенина и др.)

первым – любительским – переводом на польский язык двух строк мандельштамовского стихотворения «Polacy!» 1914 года, которые были включены в изданную в 1925 году книгу мемуаров чиновника польской полиции Г. Варденского «Мои полицейские воспоминания» (данный факт был установлен Мицнером). Очевидно, автор статьи абсолютно прав, утверждая, что, вероятнее всего, это был первый в мире поэтический перевод О. М. на иностранный язык. Далее исследователь самым подробным образом восстанавливает историю появления мандельштамовских произведений на польском языке в печати с середины 1930-х до середины 1980-х годов: от «Декабриста» (пер. В. Слободника; 1935) к вышедшим под редакцией Р. Пшыбыльского первому сборнику О. М. «Стихи» (1971) и его избранным статьям о литературе «Слово и культура» (1972). После публикации на Западе воспоминаний Н. Я. Мандельштам (1970) официальное издание мандельштамовских текстов в Польше прекратилось более чем на десять лет, но традиция поддерживалась выходом книг за рубежом; в частности, в 1979 году в Лондоне были изданы «Поздние стихи» О. М. в переводах С. Бараньчака.

К числу научных достижений польской славистики 1970-х годов автор относит посвященные О. М. исследования, среди которых закономерно выделяет труды Пшыбыльского – одного из основоположников современного мандельштамоведения или, как его называет автор следующей статьи И. Смолька, «создателя польской улицы Мандельштама». В эссеистической форме эта публикация знакомит читателя с наиболее яркими эпизодами научной и творческой биографии историка литературы, эссеиста, переводчика и исследователя произведений О. М. и мемуарных книг Н. Я. Мандельштам⁸.

составил этот сборник, перевел опубликованные тексты и снабдил их обширными комментариями и послесловием с характерным названием «Посмертная жизнь Осипа Мандельштама»; см.: Mandelsztam 2010. См. высокую оценку этого издания, данную другим участником рецензируемого сборника: Горбаневская 2011: s. p.; ср. более развернутую обзорную публикацию фрагментов послесловия к книге: Поморский 2011a: s. p.; кроме того, статья полностью была опубликована в: Чтения 2011.

⁸ Эта статья также была представлена читателям ранее в одноименной публикации; см.: Смолька 2011: s. p.; в приуроченный к чтениям буклет включен полный текст на

Завершает раздел публикация А. Фэвр-Дюпэгр «Неожиданный “тамиздат”: стихи Мандельштама в Польше 1980-х гг.», некоторая неожиданность содержательного строя которой вполне соответствует ее названию⁹. Автор сразу же оговаривает хронологические границы своего исследования, в котором предполагает остановиться «на том, что произошло в культурной жизни страны после возникновения независимого профсоюза “Солидарность”, точнее, после 13 декабря 1981 г. и прихода к власти генерала Ярузельского, который ввел в Польше военное положение» (ч. 1, с. 98). Несколько парадоксальным, во всяком случае – для современного читателя, оказывается и главный тезис статьи: «Одним из ответов на введение военного положения был новый всплеск мероприятий, связанных с Мандельштамом и навеянных его поэтическим творчеством <...>. Два из этих мероприятий оставили глубокий след в сознании современников: издание в Кракове новой книги стихов и постановка в Познани театрального спектакля о Мандельштаме. Русский поэт стал тогда для польской интеллигенции и артистической среды символом противостояния государственному тоталитарному насилию во имя культуры – европейской культуры, восходящей к греко-латинским корням, – и символом силы и свободы поэтического слова, исполненного иудео-христианской духовности» (ч. 1, с. 99). Описанию польских событий начала 1980-х годов и реконструкции обстоятельств, сопутствовавшим им и посвящена работа французской исследовательницы.

Тот факт, что О. М. – коренной варшавянин (в польской столице он родился 3 января 1891 года, но пробыл там совсем немного), чаще всего остается лишь обязательной деталью его жизнеописания;

польском языке: Чтения 2011. Следует учитывать, что за время подготовки рецензируемого сборника вышла из печати новая монография Пшибыльского – «Вечная Россия. Мандельштам в 1917 году»: Przybylski 2012; см. один из первых отзывов о ней: Соболев 2013: с. р.; к сожалению, в рассматриваемой работе это издание оказалось неучтенным.

⁹ Под тем же названием краткое изложение статьи было опубликовано ранее на русском языке в буклете-программе: Чтения 2011, а затем, полностью и на французском, – в издании: *La Revue du Centre Européen d'Études Slaves*. 2011. N° 1: *Représentations culturelles et identitaires slaves*.

значительно чаще биографы останавливаются на эпизоде его поездки в Варшаву в декабре 1914 года. Именно ему посвящена открывающая собственно исследовательскую часть сборника публикация В. Н. Драницина и П. М. Нерлера «К истории “нелепой поездки” Осипа Мандельштама в Варшаву в декабре 1914 года. Обзор версий и предположений» (полный вариант опубликован в: Чтения 2011). Данный фрагмент мандельштамовской биографии всегда по праву относился к числу самых «темных» – даже факт посещения поэтом польской столицы в составе санитарного поезда в конце первого военного года иногда не просто вызывал сомнения, но прямо отвергался некоторыми составителями «Трудов и дней» О. М. Для выяснения реальных обстоятельств этого события, авторы статьи основываются на привлечении и интерпретации архивных материалов; при этом достоверные и предполагаемые факты мандельштамовской биографии и сопровождавшие их реалии проецируются на самый широкий социально-исторический фон периода начала Первой мировой войны, что, однако, так и не дает ответа на главный вопрос – что же послужило движущим мотивом столь труднообъяснимого, на первый взгляд, поступка О. М.¹⁰

¹⁰ В качестве одного из допустимых обоснований мандельштамовской поездки представляется возможным рассмотреть причины, лежащие прежде всего в «культурологической» плоскости. Как хорошо известно, начало Первой мировой войны О. М. встретил написанием ряда стихотворений патриотической направленности, полностью соответствовавших тому духу времени, которому поддались многие писатели и поэты самых разных идеологических взглядов и литературных направлений. (Материалы на эту тему теперь собраны, систематизированы и детально хронологизированы на сайте «Первая мировая война и русская литература: Политика и поэтика: историко-культурный контекст» (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН) в разделе «Летопись»; непосредственно к сказанному см. подраздел «1914 год»: <http://ruslitwwi.ru/1914/07/>.) Мандельштамовские тексты этого периода (никогда, кстати, не становившиеся предметом самостоятельного комплексного анализа) исключительно разнятся по своему художественному уровню – от открывающего микроцикл из шести «провоенных» стихов труднообъяснимого «Перед войной» («Ни триумфа, ни войны...») августа–сентября до завершающего его в декабре откровенно лубочно-пропагандистского «В белом раю лежит богатырь...». Центральным в этом ряду традиционно считается стихотворение «Реймс и Кельн» (сентябрь), посвященное разрушению немецкой артиллерией Реймского собора, именованного «Нотр-Дам в Реймсе» и являвшегося одной из архитектурных вершин западноевропейской готики и традиционным местом коронации французских королей (профессиональ-

ное описание собора и подробную историю его создания см.: Виолле-ле-Дюк 2013: 415–420). Исчерпывающую картину отражения этого события общественной мыслью и текущей литературой в России см.: Хеллман 2009: 42 (одноименный вариант опубликован ранее: Хеллман 2006: 340) – где О. М. вместе с Волошиным и Эренбургом отнесен к числу авторов, для которых события в Реймсе стали не драматической или ложно-драматической основой для спекулятивного сюжета патриотической направленности, а отражением истинной для европейской цивилизации трагедии. Следует учитывать, что круг мандельштамовского общения с началом войны претерпел существенные изменения; в более широкой перспективе к числу главных последствий этого этапа в литературной жизни России Н. А. Богомолов относит «прекращение деятельности первого “Цеха поэтов” и серьезнейшие изменения в творческой практике и жизненных контактах акмеистов»: «Гумилев в это время находится на фронте, Нарбут – на своем хуторе и почти не печатается в столицах (всего 10 стихотворений, причем все – в незаметных журналах <...>), практически пропадает из литературной жизни Зенкевич (ни одного стихотворения в 1915–1916 гг. <...>), стремительно эволюционирует Мандельштам, Городецкий оказывается в изоляции и смыкается с неокрестьянскими поэтами» (Богомолов 2010: 13, 566). Причем если уход Гумилева и Лившица (как и представителей культурной среды), в действующую армию, работа на фронте в санитарном поезде одного из «синдиков» «Цеха поэтов» Кузьмина-Караваева и под. воспринимались современниками с одобрением и сочувствием, то напускной патриотизм того же Городецкого вызывал у многих прямое отторжение. Так, например, Чуковский оставил в дневнике запись, относящуюся к 26 июля 1914 года: «Видел Сергея Городецкого. Он форсированно и демонстративно патриотичен: “К черту этого изменника Милоюкова!” Пишет патриотические стихи, и когда мы проходили мимо германского посольства – выразил радость, что оно так разгромлено. “В деревне мобилизация – эпос!” – восхищается. Но за всем этим какое-то уныние: денег нет ничего» (Чуковский 2013а: 195–196). Более того, позднее Городецкий в одной из своих «программных» статей, традиционно имевших широкий общественный отклик (см.: Городецкий 1916: 19–20), парадоксальным образом метафорически связал с Первой мировой войной появление акмеизма: «Поколение, родившееся до войны и для войны, отнюдь не было заражено нигилизмом. <...> В области поэзии это поколение дало целый ряд поэтов, имеющих редкое право именоваться школой. – Неважно, как называли и называют себя эти поэты – акмеистами, адамистами, цеховиками <...>. Важно, что в 11, 12 и 13-м гг. нашелся круг людей, решивших мобилизовать свои обособленные силы. В этой поэтической мобилизации смело можно видеть прообраз и предчувствие всеобщей русской мобилизации четырнадцатого года» (цит. по: Акмеизм в критике 2014: 433–434). Ровно через десять лет Лившиц, судя по дневниковой записи Чуковского 24. 4. 1926, даст краткую, но предельно откровенную оценку «литературной составляющей» этого периода русской истории: «В сущности, только мы двое честно отнеслись к войне: я и Гумилев. Мы пошли в армию – и сражались. Остальные поступили как мошенники. Даже Блок записался куда-то табельщиком» (Чуковский 2013б: 292). Заметный резонанс получил и конфликт О. М. с Городецким, вылившийся в резкую критику последним мандельштамовских «военных» стихов («Перед войной» и «Европа»), опубликованных в октябре 1914 года в двукратном номере «Аполлона» (6–7) откровенно патриотической

Второй, традиционный для данной серии раздел – «Биография» – открывается публикацией И. С. Вербловской, посвященной семье О. М. («О Вербловских: Некоторые сведения о родне О. Э. Мандельштама по материнской линии») и не подтвердившемуся предположению о его гипотетических родственниках. Отдельным эпизодам и обстоятельствам биографии поэта периода его увлечения народничеством и идеологией и практикой эсеров посвящена развернутая и передельно детализованная фактическим материалом статья М. Г. Сальман «Об одном фрагменте в “Шуме времени” О. Э. Мандельштама», основанная на самом разнообразном культурно-историческом и обширном фактографическом материале.

В публикации «Вокруг поэта: “гражданин Пусловский”, “Александр Герцович, еврейский музыкант” и “доктор Герцберг”», по определению ее автора Л. М. Видгофа, «речь идет о людях, которые, так или иначе, оказались на жизненном пути Осипа Мандельштама. Первого из перечисленных в заголовке статьи он, видимо, не только

направленности; см.: Акмеизм в критике 2014: 398–399. Вряд ли будет преувеличением сказать, что О. М., ощущая резкие перемены в личной судьбе и творческой биографии, не мог не предполагать приближающиеся исторические метаморфозы, которые могут распространиться и на существующий геополитический миропорядок. Сам он прямо сформулировал это в стихотворении «Европа» сентября 1914 года: «Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта / Гусиное перо направил Меттерних, – / Впервые за сто лет и на глазах моих / Меняется твоя таинственная карта!». Как следствие, допустимым кажется предположить, что именно предстоящие перемены могли повлиять на мандельштамовское решение о посещении места своего рождения. (Позже свою «первую прозу» «Шум времени» он почти полностью ориентирует на детские и, значительно меньше, юношеские воспоминания, причем будет выстраивать их по явной сетке географических координат.) В силу этого, как бы ни казалась тривиальной подобная мотивация, именно в «ностальгической» плоскости, а не в патриотической или любовно-лирической сфере могла находиться реальная причина мандельштамовской поездки в Варшаву, никак не зафиксированная документально (что было вполне свойственно для характера О. М. и его привычек) и не ставшая при этом, как можно было бы ожидать, заметным творческим импульсом (что кажется более чем удивительным для него). В такой связи необходимо учитывать еще один существенный факт – непосредственно перед отъездом О. М. в Варшаву (22 декабря) в Петрограде побывал Гумилев (см.: Степанов 2014: 108–109) и именно тогда (если доверять письменному свидетельству Городецкого) было принято решение о закрытии «Цеха поэтов»; см.: «Транхопс» 2012: 133. К вопросу о параллелях «военного топоса» О. М. с гумилевской поэзией см.: Шиндин 1992: 75–83.

не знал, но и никогда не видел, хотя сыграл очень важную роль в его судьбе; «еврейского музыканта» и «доктора Герцберга» мы находим в мандельштамовских произведениях» (ч. 1, с. 159). Фигура первого из «героев» связана с известным эпизодом биографии О. М. – его конфликтом с Яковом Блюмкиным, тогда левым эсером и сотрудником ЧК¹¹. В монологе подвыпившего чекиста, угрожавшего расстрелом чуть ли не всем по своему усмотрению, фигурировал некий «литератор», – Францишек Ксаверий Пусловский, польский аристократ, офицер, поэт, биография которого кратко «восстановлена» Видгофом, сконцентрировавшим внимание на той ее части, которая связана именно с данным эпизодом. Следующий «герой» – прототип мандельштамовского стихотворения «Жил Александр Герцович...» (1931), пожалуй, один из самых известных «персонажей» его художественного мира – Александр Герцевич Беккерман, врач и любитель музыки, сосед поэта, который проживал тогда у своего брата Александра Мандельштама в коммунальной квартире в московском Старосадском переулке. Третий фрагмент связан с упоминаемым в первой главе «Путешествия в Армению» (1931–1932) доктором Герцбергом, с которым О. М. встречался в доме отдыха на острове Севан; по предположению автора, речь идет о московском медике Рахмиэле Харитоновиче Герцберге, биография которого оказывается интересна сама по себе.

Л. Ф. Кацис в обширной статье «Осип Мандельштам в “Вечерней Красной газете” 1925–1929: от еврейского театра до анонимных аннотаций» рассматривает одну из важнейших, по его мнению, биографических составляющих творчества О. М. во второй половине 1920-х годов – сотрудничество с ленинградской «Вечерней Красной газетой»¹². В центре внимания автора, предлагающего свой вариант детального и всестороннего анализа, оказывается «период, который, с одной стороны, представляется замечательно документированным многочисленными письмами поэта к Н. Я. Мандельштам, некоторым

¹¹ Этому событию, отраженному в целом ряде мемуарных и документальных свидетельств, посвящена довольно обширная литература; см., например: Леонтьев 2000: 126–144.

¹² Ранее текст публиковался в: Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 46. С. 5–38.

количеством внутренних издательских рецензий и т. п., а с другой – этот временной промежуток практически никоим образом не откомментирован» (ч. 1, с. 174). Тематически эту публикацию продолжают материалы П. Е. Поберезкиной «Мандельштам и киевская печать: предварительные заметки», посвященные разрозненным случаям оценки творчества О. М. в периодике Киева 1920-х годов и публикациям, связанным с его визитами в город; при этом в центре внимания автора оказывается выпавшая из активного исследовательского фонда газета «Пролетарская правда». О новых обстоятельствах пребывания поэта в Савелово (Кимрах) летом 1937 года говорится в статье «Временное пристанище. “Дачные каникулы” Осипа Мандельштама» В. В. Коркунова.

Знаменитым писателям-современникам О. М., входившим не в постоянный, но в регулярный круг его общения, посвящены еще две публикации. Первая из них – «М. Булгаков и О. Мандельштам: материалы к теме» М. О. Чудаковой – касается актуальной и для мандельштамоведения, и для истории русской литературы первой половины XX века темы, до сих пор не получивший сколь-нибудь заметного самостоятельного освещения. В самом начале статьи (ч. 1, с. 249) автор определяет то, что называет важнейшим материалом для сопоставления творчества «очень больших художников одного поколения», – их отношение к революции и последовавшим за ней катастрофическим событиям и способ участия в формировании литературы XX века. Внутри каждой из этих тем выделяются главные составляющие: биографические и политические аспекты, отношение к новому строю (и особенно – к фигуре Сталина), главные идеологемы и биографически-творческие пересечения. Именно под эти углом зрения всесторонне рассматриваются «труды и дни» двух авторов, оставивших столь яркий и глубоко индивидуальный след в литературе последнего века ушедшего тысячелетия.

Лаконичное название статьи Б. Я. Фрезинского «Мандельштамы и Эренбурги» полностью отражает как ее тематику, так и несколько неожиданный взгляд на биографические параллели четверых столь неординарных представителей русской литературы, перипетии в судьбах которых отразили едва ли не все испытания,

выпавшие на долю их поколения. «Герои этого сообщения две пары: Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна Мандельштамы и Илья Григорьевич и Любовь Михайловна Эренбурги. Жены обоих писателей – киевлянки и одногодки, молодые художницы – были знакомы друг с другом и дружны еще до личного знакомства с будущими мужьями; и это обстоятельство по-своему влияло и на взаимоотношения самих писателей, а после гибели Мандельштама дружба Эренбургов с Надеждой Яковлевной была немаловажным фактором борьбы за воскрешение поэзии Мандельштама в СССР» (ч. 1, с. 230). (Подобное «перекрестное» сопоставление возможно, пожалуй, только еще в одном случае – когда «собеседниками» Мандельштамов в таком диалоге станут Виктор и Василиса Шкловские.) Биографические эпизоды, которые уже нельзя назвать просто параллелями, настолько тесно переплетаются они в судьбах персонажей этой публикации, восстановлены автором с исключительной тщательностью и убедительной достоверностью.

Центральный раздел книги – «Штудии», содержащий собственно исследовательские материалы, – тематически и методологически весьма разнонаправлен и может быть разделен на несколько составляющих, посвященных самым разнообразным аспектам мандельштамовского творчества.

Ряд конкретных текстологических вопросов, неизбежно возникающих при работе со многими мандельштамовскими произведениями, затронут в статье С. В. Василенко «К проблеме установления авторского текста в стихах Осипа Мандельштама». В ней рассматриваются не отмечавшиеся ранее возможные опечатки и неточности при публикации некоторых текстов, в процессе своего бытования нередко приобретающие статус окончательных авторских «вариантов»; при этом подобного рода издательская оплошность коснулась уже самого первого из напечатанных мандельштамовских стихотворений – «Медлительнее снежный улей...» (см.: Аполлон. 1910. № 9. С. 5). Отдавая дань уважения той текстологической работе, которая была проделана при подготовке к печати первого посмертного собрания стихов О. М. в СССР Н. И. Харджиевым, автор, тем не менее, еще раз проверяет верность

отдельных его предположений, и, как выясняется, не напрасно. В ряде случаев Василенко предложены собственные текстологические интерпретации, причем некоторые из них носят принципиальный характер и касаются таких исключительно значимых для творчества поэта произведений, как «Соломинка», «Сегодня ночью, не солгу...» и «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...».

К традиционному имманентному анализу отдельных текстов (насколько это возможно, и, главное, продуктивно для художественного мира О. М.) обращаются в этом разделе авторы еще четырех публикаций.

В статье А. К. Жолковского «Заметки о стихотворении “Сохрани мою речь навсегда...”» представлена очередная для современной науки интерпретация одного из центральных произведений поэтического мира О. М., которое уже не одно десятилетие «провоцирует» исследователей самых разных направлений на предельно открытый диалог и, кажется, с течением времени и расширением научного кругозора только усиливает свой смыслопорождающий потенциал¹³.

Анализ столь же значимого для понимания отдельных составляющих художественного мировоззрения О. М. 1930-х годов стихотворения «Ламарк» предлагает Е. П. Сошкин («“Смуглые щеки Ламарка”»): автор сопоставляет содержательный уровень текста с научными трудами и биографическими реалиями его «персонажа», сосредоточив основное внимание на идее возвратного движения, актуальной в границах всего мандельштамовского мира. Своего рода обобщающим выводом можно считать утверждение о том, что отраженный в тексте мотив нисхождения «обладает собственной автономной мотивировкой. Вместе с тем он органично вписывается в великий миф о нисхождении, который осеняет всю историю европейской культуры и в том или ином специфическом

¹³ Данные материалы представляют собой незначительно переработанный вариант более ранней публикации автора: Жолковский 2012: 226–231. Это обстоятельство в тексте не оговаривается, тогда как сама статья уже вошла в активный научный оборот, в том числе присутствуя и в сетевых ресурсах.

изводе неустанно трактуется Мандельштамом и взрастившей его литературной и интеллектуальной традицией» (ч. 2, с. 440)¹⁴.

Статья И. З. Сураг «Ясная догадка» посвящена двум объединенным в «микроцикл» стихотворениям, обращенным к Наталье Штемпель. Во многом основываясь на биографических реалиях, в качестве ключевых в образном строе этих текстов автор выделяет и детально интерпретирует набор образов, исключительно значимых на протяжении всего мандельштамовского творчества в его экзистенциальной перспективе: земля, небо, цветы, а также идею «вечного возвращения», мотивы посмертной «тени», движения (ходьбы, походки) и др. Как следствие – вывод о том, что «не стоит однозначно привязывать стихи о “ясной догадке” к личности Натальи Штемпель и к рассказанным ею эпизодам. Строго говоря, редакторское название “Стихи к Н. Штемпель” неверно – стихотворение ведь не обращено к Наталье Евгеньевне. Женщина-героиня в первой строфе обозначена местоимением третьего лица» (ч. 2, с. 454–455).

О мандельштамовском переводе 1933 года одного из сонетов Петрарки («Как соловей сиротствующий славит...») пишет Л. Г. Панова, в первой части статьи сосредоточившая внимание на вопросе о переадресации этого текста Ольге Ваксель, с последующим выводом о том, что «зазор между петрарковской Прекрасной Дамой и образом возлюбленной, созданным Мандельштамом, не велик и, значит, допустим в вольном переводе» (ч. 2, с. 379). Кроме того, автор останавливается на рассмотрении образа соловья, наполняемого О. М. «метапоэтическим» значением, которое обнаруживает прямые и опосредованные параллели с русской и западноевропейской составляющими самой широкой культурной традиции и дает исследователю основания увидеть в мандельштамовском тексте

¹⁴ В связи с этим нелишним было бы напомнить о том, что данная смысловая модель могла получить дополнительный импульс к актуализации под влиянием хорошо известной «магистральной» оценки, данной «Ламарку» Ю. Н. Тыняновым и воспроизведенной позднее Н. Я. Мандельштам: «Тынянов мне объяснил, чем оно замечательно: там предсказано, как человек перестанет быть человеком. Движение обратно. Тынянов называл это стихотворение гениальным» (Герштейн 1998: 35).

своего рода «подмену Петрарки на Пастернака»¹⁵. В заключительной части работы предложены некоторые дополнения к уже существующему сравнению вариантов перевода петрарковского сонета, сделанных О. М. и Вячеславом Ивановым.

Следующий тематический блок раздела «Штудии» образуют материалы сопоставительного характера, в которых мандельштамовское творчество в самых разных аспектах сопоставляется, в частности, с художественным опытом его литературных предшественников – Данте («Мандельштамовский Данте: прообраз поэта-музыканта» А. Фэвр-Дюпэгр), Гейне (««Я не Генрих Гейне...»: к вопросу об отношении О. Мандельштама к Г. Гейне» Г. Киршбаума) и Белинского («Мандельштам и Белинский» А. Д. Еськовой).

Центральное место в этой группе исследований уже только «по определению» занимает публикация Р. Д. Тименчика «Еще раз о поэтическом диалоге Ахматовой и Мандельштама», в которой

¹⁵ Правда, лишь вскользь, только в качестве иллюстративного материала упоминается в статье едва ли не ключевой для стихотворения «К немецкой речи» образ бога Нахтигалья. Между тем, в одной из последних работ на эту тему приведен еще один пастернаковский контекст, актуальный в рассматриваемой перспективе: «Горячей, чем глазной Маргаритин белок, / Бился, щелкал, царил и сиял соловей» («Маргарита»); см.: Микушевич 2011: 390. Применительно к стихотворению «К немецкой речи» (и его ранним редакциям «Христиан Клейст» и «Бог Нахтигаль», образующим единое смысловое пространство) и собственно образу Нахтигалья нельзя отрицать возможность диалогических коннотаций с поэзией и личностью Гумилева, которого О. М. считал едва ли не единственным другом. Здесь же следует учитывать, что первоначально текст окончательной редакции не имел посвящения Борису Кузину; см.: Мандельштам 2014: 735–736. И, разумеется, образующийся семантический контекст неизбежно ассоциируется с гумилевским стихотворением «Пьяный дервиш»: «Соловьи на кипарисах и над озером луна. / <...> “Мир лишь луч от лика друга, все иное – тень его!”»; несколько подробнее об этом см.: Шиндин 1992: 75–83. В рассматриваемой перспективе представляется уместным вспомнить и содержащееся в статье «Буря и натиск» афористичное мандельштамовское утверждение: «От “Стальной цикады” Анненского к “Стальному соловью” Асеева лежит прямой путь», – которое встраивает «соловьиную метафорику» О. М. в метапоэтическую перспективу, при том что образ цикады не может не сопоставляться с присутствующим в «Разговоре о Данте» хорошо известным определением: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна». Краткая, но исключительно емкая характеристика «литературно-исторических» составляющих орнитоморфной символики в художественном мире О. М. содержится в исследовании одного из авторов рецензируемого издания: Сурат 2009: 268–277.

творческие и биографические взаимоотношения двух поэтов рассматриваются через систему прямого и опосредованного цитирования и взаимопроекции, примером чего служат исключительно значимые в этом контексте образы часов (часового механизма), ласточки (и шире – орнитоморфные ассоциации обоих авторов) и актуальная для мандельштамовского восприятия ахматовской поэзии и личности тема Анненского. Помимо этого, статья изобилует многочисленными примерами более частных фрагментов диалога О. М. и Ахматовой, к которому нередко присоединяются и иные «участники»¹⁶.

Другие материалы раздела посвящены самым разнообразным темам. Так, О. А. Лекманов анализирует то, каким образом оценивалось литературной критикой в 1912–1917 годах творчество О. М. как одного из главных представителей акмеизма, и на основе значительного корпуса периодики этого периода приходит к заключению, что только «к 1916 году его имя для образованного столичного и провинциального читателя встало в один ряд с именами Николая Гумилева и Анны Ахматовой, вытеснив из читательского сознания исписавшегося Сергея Городецкого» (ч. 2, с. 327).

Публикация Ю. Л. Фрейдина «Несколько наблюдений о противоречивых конструкциях в стихотворениях О. Мандельштама: “Поэтика противоречий”, I» содержит ряд наблюдений над смысловыми оксюморонами, присутствующими в целом ряде мандельштамовских текстов: автор выстраивает их «мини-каталог» и детально рассматривает некоторые из них. При всей своей неожиданности тема, к которой обращается Н. А. Петрова («Портновское дело» О. Мандельштама), – символика верхней одежды – в той или иной форме оказывается не просто «репрезентативна» для биографии и творчества поэта, но своей актуальностью далеко выходит за границы его художественного мира¹⁷. На отражении

¹⁶ В фрагментарном, «тезисном» изложении статья публиковалась ранее в составе уже неоднократно упоминавшейся подборки «Мандельштамовские дни в Варшаве»; см.: Тименчик 2011: с. р.

¹⁷ Ситуацию, связанную с исключительной значимостью в 1920-е годы темы верхней одежды (точнее – сначала ее недоступности, практически полного отсутствия, а

особого отношения О. М. к Европе, «европоцентричности» поэта останавливает свое внимание В. Б. Микушевич («Одно широкое и братское лазорье: Осип Мандельштам – поэт европейского единства»), и его же переводы стихов О. М. на немецкий язык открывают завершающий книгу раздел «Рефлексии», в котором собраны самые разнообразные материалы¹⁸. О явных и неосознанных цитатах из мандельштамовских текстов в собственной поэзии рассказывает в эмоциональном и лирически сдержанном одновременно эссе Горбаневская (ей же, кстати, принадлежит значительное число переводов стихотворений польских поэтов, открывающих книгу). О том, с каким едва ли не безграничным уважением относился к личности О. М. и его творчеству Варлам Шаламов и как это

затем – совершенно неудовлетворительного качества) неоднократно затрагивает в своих воспоминаниях. Н. Я. Мандельштам (см., например: Мандельштам 2014: 139–141), кстати, и автобиографический очерк 1922 года «шуба» называвшая первой художественной прозой О. М. Такое положение вещей в афористической форме лаконично, но емко отразил Илья Ильф в первой фразе фельетона «Калоши в лучах критики» (см.: Смехач. 1928. № 47): «Об одежде теперь говорят с уважением. В наше время одежда взошла как бы на пьедестал. Замечается даже пресмыкание перед одеждой, особый род подхалимства. Двадцатирублевое пальто, волосатое, сработанное из черных конских хвостов, гуляет под именем драпового».

¹⁸ В связи с этим нельзя не вспомнить «пророческие» строки одного из черновых вариантов стихотворения О. М. «К немецкой речи»: «Мне хочется воздать немецкой речи / За все, чем я обязан ей бессрочно», – которые в окончательной редакции стали не менее откровенными: «Мне хочется уйти из нашей речи / За все, чем я обязан ей бессрочно». В таком контексте снова можно вернуться к эффекту «культуростремительности» мандельштамовского творчества – трудно даже приблизительно сказать, на сколько языков мира переведены сегодня его произведения. Обзор этого предсказанного поэтом состояния собственного «многоязычия» («И, может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Японец какой переводит / И в самую душу проник...») содержится в: «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский альманах. Вып. 6. М.: ОГИ (в печати), – в разделе с симптоматичным названием «Глобус Мандельштама: переводы и рецепция», где рассматривается бытование текстов О. М. в пространствах английского, немецкого, испанского, корейского и украинского языков и, следовательно, формируемых и поддерживаемых ими культур; в дополнение к этому см. об итальянской перспективе: Гардзонио 2008: 233–235; ср. о немецком «тезаурусе», близком данной теме: Суперфин 2014: 378–384. И здесь уже просто невозможно избежать ассоциаций с одной из «программных» мандельштамовских статей – «Слово и культура» (1921–1922), где он так отразил современную ему литературную, и более того – социокультурную ситуацию: «Ныне происходит как бы явление глоссолалии. В священном испугании поэты говорят на языке всех времен, всех культур».

отразилось в его рассказе «Шерри-бренди», пишет С. М. Соловьев, а П. М. Нерлер публикует новые материалы о прошедшем в 1965 году на мехмате Московского университета первом вечере памяти О. М., одним из главных участников которого был именно Шаламов.

Издан альманах тиражом всего 300 экземпляров, и уже только с учетом его «интернационального» статуса это представляется труднообъяснимым даже ввиду того, что значительная часть материалов в нем публикуется не впервые. Но, несмотря на это обстоятельство, можно не сомневаться, что сборник «Корни, побег, плоды...» не только станет заметным явлением в российской филологической науке, но и явится дополнительным импульсом развития мандельштамовской темы в польской поэзии, а значит, еще одним шагом в стремлении культур двух стран друг к другу, в том встречном движении, которое продолжается не одно столетие и самым достойным участником которого стал один из ярчайших представителей русской литературы. А потому, даже не касаясь его собственной переводческой деятельности, можно с абсолютной уверенностью спроецировать на художественный опыт Осипа Мандельштама и декларируемое им желание «уйти из нашей речи» утверждение В. Н. Топорова о том, что культура – это «не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где они обмениваются, “проводятся” и стремятся быть переведенными с одного языка на другой. Именно поэтому даже уход из родной речи не отменяет сопричастной ей культуры, но по-новому, по шкале, задаваемой “чужим” языком, определяет ее смыслы» (Топоров 1989: 7).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акмеизм в критике 2014. Акмеизм в критике: 1913–1917 / Сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабан; вступительная статья, примечания О. А. Лекманова. СПб.: Издательство Тимофея Маркова.
- Богомолов Н. А. 2010. Серебряный век: Опыт рационализации понятия. – Богомолов Н. А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение. С. 7–16; 568–571.
- Виолле-ле-Дюк Э.-Э. 2013. Энциклопедия готической архитектуры. М.: Эксмо.

- Гардзонио С. 2008. Переводы и изучение произведений О. Э. Мандельштама за рубежом. Итальянский язык. – Вопросы литературы. № 6. С. 233–235.
- Герштейн Э. 1998. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Горбаневская Н. 2006. И тогда я влюбилась в чужие стихи... Избранные переводы из польской поэзии. Варшава; Краков: Издательство Национальной библиотеки.
- Горбаневская Н. 2011. Мандельштам Поморского. – Новая Польша. № 9. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1538>]
- Городецкий С. 1916. Поэзия, как искусство. – Лукоморье. № 18. 30 апреля. С. 19–20.
- Громова Н. 2012. Мандельштамовские дни в Варшаве: Международная конференция. – Знамя. № 3. С. 233–234.
- Дневник Каблукова 1990. О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова / Подготовка текста и примечания А. Г. Меца. – Мандельштам О. Камень / Подготовка Л. Я. Гинзбург, А. Г. Меца, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдина. Л.: Наука. С. 241–258.
- Жолковский А. К. 2012. Сохрани мою речь, – и я приму тебя, как упряжь, или Мандельштам и Пастернак в 1931 году. – Звезда. № 4. С. 226–231.
- Калмыкова В. 2012. VI Международные Мандельштамовские чтения (Варшава, 18–23 сентября 2011 г.). – Новое литературное обозрение. № 6 (114). С. 420–424.
- Коростелев О. А., Ермишин О. Т. 2009. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): Вехи истории, тематика заседаний, дискуссии. – Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3-х тт. Т. 1: 1907–1909 / Сост., подготовка текста и примечания О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. М.: Русский путь. С. 5–26.
- Леонтьев Я. В. 2000. Человек, застреливший императорского посла: К истории взаимоотношений Блюмкина и Мандельштама. – «Сохрани мою речь...». Вып. 3: В 2-х ч. Ч. 2. М.: РГГУ. С. 126–144.
- Мандельштам Н. 2014. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. – Мандельштам Н. Собр. соч.: В 2-х тт. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подготовка текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина; комментарий С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург: ГОНЗО. С. 1006.

- Микушевич В. 2011. Бог Нахтигаль: Эстетика Канта и Шиллера в стихотворении Осипа Манделъштама «К немецкой речи». – «Сохрани мою речь...». Вып. 5: В-х 2-х ч. Ч. 2. М.: РГГУ. С. 387–395.
- Мицнер П. 2011. Путь Манделъштама в Польшу. – Новая Польша. № 12. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1583>]
- Пешкова М. 2011. Дни Осипа Манделъштама в Варшаве. – Новая Польша. № 12. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1578>]
- Поморский А. 2011а. Манделъштам в Польше / Пер. и вступление Н. Горбаневской. – Иностранная литература. № 10. С. 246–254.
- Поморский А. 2011b. Манделъштам среди поляков. – Новая Польша. № 12. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1580>]
- Сальман М. Г. 2010. Осип Манделъштам: Годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Russian Literature. Vol. LXVIII. № 3–4. С. 447–499.
- Смолька И. 2011. Рышард Пшибыльский – создатель польской улицы Манделъштама. – Новая Польша. № 12. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1582>]
- Соболь Е. 2010. Манделъштам польского поэта из-под Варшавы. – Новая Польша. № 2. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1268>]
- Соболь Э. 2013. Манделъштам и революция. – Новая Польша. № 1. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1805>]
- Степанов Е. 2014. Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914–1918. М.: Прогресс-Плеяда.
- Суперфин Г. Г. 2014. Новые имена в словник Манделъштамовской энциклопедии, или Из первых публикаций и упоминаний имени Осипа Манделъштама в немецкоязычной печати. – «Тихие песни»: Историко-литературный сборник к 80-летию со дня рождения Льва Михайловича Турчинского. М.: Трутень. С. 378–384.
- Сурат И. 2009. Манделъштам и Пушкин. М.: ИМЛИ РАН.
- Тименчик Р. Д. 2011. Ахматова и Манделъштам: Что значит «литературная дружба». – Новая Польша. № 12. [<http://www.novpol.ru/index.php?id=1581>]
- Топоров В. Н. 1989. Пространство культуры и встречи в нем. – Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М.: Наука. С. 6–17.
- «Транхопс» 2012. «Транхопс» и около (по архиву М. Л. Лозинского). Часть III / Публикация И. В. Платоновой-Лозинской, сопроводительный текст,

- подготовка и примечания А. Г. Меца. – Toronto Slavic Quarterly. № 41. С. 129–137.
- Философов Д. 1913. Акмеисты и М. П. Неведомский. – Речь. № 47. 17 февраля. С. 3.
- Хеллман Б. 2006. Реймский собор разрушен! Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны. – Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. X: «Век нынешний и век минувший». Культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2-х ч. Ч. 2. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 327–343.
- Хеллман Б. 2009. Реймский собор разрушен! Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны. – Hellman B. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures. С. 30–42.
- Летопись 2014. Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. Приложение: Летопись жизни и творчества / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской. М.: Прогресс–Плеяда.
- Чтения 2011. VI Мандельштамовские чтения. Варшава, 18–23 сентября 2011. Dni Osipa Mandelsztama. Warszawa, 18–23 wrzesnia 2011 [Сост. П. Нерлер и А. Поморский]. Варшава: Международное Мандельштамовское общество; Польский Пен-Клуб, Институт изучения Восточной Европы Варшавского университета; Институт Адама Мицкевича.
- Чуковский К. 2013а. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 11: Дневник 1901–1921 / Сост., подготовка текста и комментарий Е. Чуковской: 2-е изд., электронное, исправленное. М.: Агентство ФТМ.
- Чуковский К. 2013б. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 11: Дневник 1922–1935 / Сост., подготовка текста и комментарий Е. Чуковской / 2-е изд., электронное, исправленное. М.: Агентство ФТМ.
- Шиндин С. Г. 1992. Мандельштам и Гумилев: О некоторых аспектах темы. – Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. С. 75–83.
- Mandelsztam, O. 2010. “Nieograbiony i nierozgromiony”: Wiersze i szkice. Warszawa: Open.
- Przybylski, R. 2012. Odwieczna Rosja. Mandelsztam w roku 1917. Warszawa: Sic!.